

ОБ АРМЕНИЗМАХ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема армянско-кавказских языковых взаимоотношений естественным образом вырастает из общего контекста длительных этнокультурных контактов носителей армянского и кавказских языков. Поэтому наряду с постановкой вопроса о так называемых «яфетических элементах» в индоевропейском армянском языке, получившего свою разработку в трудах Н. Я. Марра, Г. А. Капанцяна и ряда других авторов, не менее закономерна и постановка вопроса об арменизмах в различных группах кавказских языков. И если последняя проблематика уже располагает некоторой традицией в аспекте исследования армянско-картвельских (в первую очередь, армянско-грузинских) языковых взаимоотношений, то состояние изученности армянского компонента в нахско-дагестанских языках приходится охарактеризовать как совершенно неудовлетворительное.

Между тем, такое положение отрицательным образом сказывается на решении уже сформулированной в современной науке более широкой проблемы ареальных взаимоотношений языков Кавказа. К тому же элиминации из рассмотрения значительного числа различных иноязычных отложений требуют и все более настоятельно обозначаемые задачи построения сравнительной грамматики нахско-дагестанских языков (в кавказоведении накапливается все больше оснований для внесения коррективов в старое представление о Дагестане, как об изолированной в древности от внешних лингвистических контактов зоне).

Если учесть, что единственная специальная статья по обсуждаемой здесь тематике выдержана в духе крайностей «нового учения о языке»¹, то необходимость сколько-нибудь реалистической формулировки вопроса становится очевидной. Поэтому в соответствии с имеющимися в распоряжении современного дагестановедения фактическими предпосылками предлагаемая заметка всецело ограничивается выявлением лексических арменизмов. В качестве последних здесь рассматриваются такие неисконные для нахско-дагестанского словаря лексемы, которые находят свои ближайшие параллели в армянском. Таким образом, в эту категорию слов попадают также иранские по своему происхождению, в частности, парфянские и среднеперсидские, элементы, распространявшиеся на Кавказе *via Armenia* (в некоторых случаях их размежевание со среднеперсизмами, непосредственно проникав-

¹ См.: Шаумян Р. М. «Armenia—Lesgia (армяно-лезгинские лексико-морфологические параллели)». — В кн.: АН СССР академику Н. Я. Марру (XLV). М.—Л., 1935, с. 419—426 (авторами принимаются пять из предложенных здесь двадцати трех лексических сопоставлений).

шими через территорию сасанидской Агвании, оказывается затруднительным: так, двоякую квалификацию допускают такие лексемы как удин., лезг., даргин., чечен. *tur* 'сабля', 'меч', удин., лезг., цахур. *dew* 'злой дух', 'див', лезг., цахур. *tex* 'гвоздь' и т. п.). Вместе с тем, повторение некоторых из приводимых лексем и в картвельских языках (ср. имеющие определенную экспрессивную окраску груз. *kerket-i* 'твердый', 'крепкий', *kaḳal-i* 'грецкий орех') не снимает возможности их квалификации на настоящем этапе исследования как «бродячих» слов.

В дагестанских языках целесообразно различать лексические арменизмы тройкого рода. Во-первых, это максимально широкий по своему составу пласт словаря, представленный исключительно в одном из лезгинских языков — удинском, с V в. служившем, по всей вероятности, языком христианской религии Агвании (ср., например, удин. *azar* 'холостой, незамужняя', *apuš* 'тупой, вялый', *aštar* 'подкладка', *gič* 'линия', 'черта', *dampul* 'слива', *doraḳ* 'винный кувшин', *zibil* 'сор', *turtur* 'гусеница', *žamanak* 'время, пора', *žax* 'левый', *koḳor* 'кусок, ломоть', *maran* 'погреб', *namaḳ* 'письмо', *paḫarak* 'литургия', *samiḫ* 'укроп', *ser* 'дружба', *szal* 'ошибка', 'грех', *teḫir* 'азбука', *taḫmer* 'ведьма, колдунья', *žok* 'отдельный', *žolak* 'паук' и мн. др.). Во-вторых, сюда относятся совместные армянские заимствования в лезгинских языках, особенно характерные для тех из них, которые локализованы в Азербайджане, и, напротив, которые практически отсутствуют в географически обособленном от других лезгинских арчинском языке (ср., в частности, лезг. *kuḫ* 'бугор, копка', *mangal* 'крупный серп', *sant* 'род молотка', *čal* 'слово, речь', *cil* 'семя', *xaš* 'крест' и нек. др.). Наконец, в-третьих, здесь оказываются в целом весьма немногочисленные арменизмы, встречающиеся и в других дагестанских языках (ср. лакск., авар. *kič* 'петля, пуговица', лакск., чечен., даргин. *tur* 'сабля', 'меч', лакск. *xxač* 'крест' и др.).

При всей неудовлетворительности наших знаний об армяно-кавказском языковом взаимодействии нетрудно привести целую совокупность разноплановых по своему характеру критериев, позволяющих со значительной степенью вероятности предполагать армянский источник для всех рассматриваемых здесь слов. Прежде всего необходимо учитывать, что в целом ряде случаев сопоставленные лексемы имеют надежную индоевропейскую этимологию (в некоторых случаях установлен семитский источник армянских слов). С другой стороны, рассматриваемый лексический фонд не может быть отнесен к общедагестанскому или хотя бы к общелезгинскому и преимущественно свидетельствуется в лезгинских языках Дагестана и Азербайджана, исторические связи носителей которых с Арменией были весьма ощутимыми. Неслучайна максимальная представленность этого пласта в наиболее южном из последних — удинском языке, значительная часть говорящих на котором еще в агванскую эпоху приняла христианство (ср. характерную для него терминологию христианской религии).

Вместе с тем, о такой направленности заимствования может говорить и очевидная культурная нюансировка приводимой лексической группы — это, главным образом, термины оседлой земледельческой культуры и связанных с ней других сфер хозяйства. Следует заметить, что в случаях наличия в структуре слова арм. словообразовательного элемента *-ak* (ср. удин. *namak* 'письмо', *žamanak* 'время, пора', *çindäk* 'чулок' и др.), по-видимому, существует возможность его обособления от иранских лексем с аналогичным деривационным аффиксом, отражаемым в дагестанских языках в виде *-ag* (ср. удин. *çäläg* 'лес', *lašag* 'тело, организм').

Имеются основания предполагать довольно раннюю хронологию усвоения по крайней мере части арменизмов в дагестанские языки и соотносить ее еще с доарабской эпохой (это тем более справедливо, если учесть, что реальное проникновение арабских заимствований начинается здесь лишь с распространением в Дагестане ислама, т. е. с XI столетия). Серьезным стимулом распространения рассматриваемой категории слов должно было послужить возникновение агванского (кавказско-албанского) государства, с последовавшим начиная с VII в. усилением в нем армянской культурной традиции. Дальнейшие импульсы этого процесса, по-видимому, исходили со стороны существовавшего в X—XII вв. армянского Дербентского царства². Что же касается армяно-удинских контактов, то они отличаются особой длительностью и едва ли полностью прекратились и в настоящее время.

Можно привести некоторые структурные свидетельства древности диффузии арменизмов в дагестанских языках. В качестве наиболее яркого из них следует назвать отражение древнеармянского *ł* в виде *l* в лексемах, заимствованных в лезгинские языки не позднее VIII—IX вв. (когда в армянском уже свершилось передвижение $\acute{l} > \gamma$): ср. удин. *mangal*, лезг. *maⁿgal*, *mukkal* 'крупный серп', удин. *cel* 'потомство, семя', лезг. *cil* 'семя', удин. *pilinž* 'медь', удин. *kala* 'хромой, калека', удин. *kalamb* 'капуста', лезг. *kəlam^p* 'редька'. В раннее средневековье, по всей вероятности, уходит заимствование здесь культового термина, представленного удин. *xaš* 'свет', лезг. *xaš* 'крест', восходящего к армянскому *xač* 'крест' и обнаруживающего рано наступивший в части лезгинских языков процесс спирантизации первоначальной аффрикаты (в отличие от более поздних заимствований, сохраняющих аффрикату)³. Хотя в отдельных случаях можно, по-видимому, говорить о закономерных фонологических корреспонденциях в соответствующих лексемах дагестанских языков, в целом среди них нет ни одной, заимствование которой можно соотнести хотя бы с уровнем общелезгинского языка-основы.

² О последнем см.: Бархударян С. Г. Дербентское армяно-албанское царство. — Историко-филологический журнал, № 3 (1969), (на армян. яз.).

³ Об этом слове см.: Dumézil G. Une chrétienté perdue: les Albaniens du Caucase. — «Mélanges Asiatiques». Vol. 232, fasc. 1. Paris, 1940—1941, p. 129.

В заключение приводится список армянско-дагестанских лексических параллелизмов, не учитывающий эксклюзивных армянско-удинских соответствий, анализ которых — задача особого исследования (их значительная часть отмечена Гр. Ачаряном⁴).

1. Арм. *kaṭu* (диал. *gaḍu*) 'кошка' ~ лезг. *gac*, *kkaç*, табас. *gatu*, будух. *gaç*, лакск. *ččitu* < *gitu*), авар. *keto*, андийск. *gedu*, цезск. *keḷo*. В армянском в соответствии с историей распространения самой реалии лексема рассматривается как один из сиризов, основная масса которых проникает в язык в III—IV вв. н. э.⁵

2. Арм. *čči* (диал. *čič*, *čiču*) 'червь' ~ крыз., будух. *čič* 'червь в яблоке'. Слов имеет индоевропейскую этимологию. В лезгинских языках прослеживаются и продолжения общедагестанской лексемы 'червь'.

3. Арм. *xəlez* 'ящерица' ~ цахур. *kalez* 'ящерица' (слово не встречается соответствий в других лезгинских языках).

4. Арм. *torn* 'нить' ~ удин. *turi* 'нить', агульск. (бурш.) *turin*, табас. *turin*, *turim* 'веревка'. Имеет индоевропейскую этимологию.

5. Арм. *tonir* 'очаг' ~ хинал. *tonur*, *tunor* 'очаг (в доме)', табас. *ttarin* 'печь' (близкие формы других лезгинских языков скорее восходят к среднеперсидскому источнику). В армянском лексема идет из семитского источника, возможно, через урартское посредство (ср. аккад. *tinūru*).

6. Арм. *sand* 'ступа' ~ цахур., рутул. *sant* 'молоток', лезг. *sant* 'молоток для дробления камня'.

7. Арм. *ṭapan* 'ковчег' ~ удин. *ṭapan* 'корыто', цахур. *ṭapan* 'улей, грудная клетка' (для семантики ср. англ. *chest*), крыз. *ṭäpän* 'шалаш пастуха'.

8. Арм. *mangaṭ* 'серп' ~ удин. *mangal* 'крупный серп', цахур., рутул. *mangal* 'тиски', лезг. *mangal*, *mukkal* 'крупный серп', агульск. *makal* 'серп'. В армянском слово усвоено из семитских языков (ср. аккад. *manigallu*).

9. Арм. *xaç* 'крест' ~ удин. *xaš* 1. 'месяц, луна', 2. 'свет', лезг. *xaš* 'крест', агульск., цахур., рутул., табас. *xaç* 'крест', лакск. *xhaç* 'крест' (даргин. и авар. *qanç* усвоены через тюркское посредство).

10. Арм. *kaç-ak* 'пуговица' ~ агул. *kiç* 'пуговица', цахур. *kaç* 'пуговица', рутул., лакск. *kiç* 'пуговица', арчин. *kiç* 'крючок', аварск. *kiç* 'петля'. В армянском слове налицо словообразоват. суф.

11. Арм. *tur* 'сабля, шашка' ~ лезг., агульск. *tur* 'сабля, меч', даргин., лакск. *tur* 'шашка, меч' (ср. также чечен.-ингуш. и бацб. *tur* 'сабля'). Возможна и трактовка этой лексемы как среднеперсизма.

⁴ См. Ачарян Гр. Корневой словарь армянского языка, т. I—VII. Ереван. 1927—1936 (на армянск. яз.).

⁵ Ср. Климов Г. А. Из истории одной общекавказской лексической параллели (к названию домашней кошки в кавказских языках). — Орлон. Акакию Шанидзе. Тбилиси, 1967, с. 378—381.

12. Арм. *gund*, *gunť* 'ком, куча' ~ лезг. *ḡunt* 'бугор, стог', агульск. *gunť*, *ḡunt*, табас. *gunť* 'куча, копна', цахур. *guť* 'куча', рутул. *ḡunt* 'курган', крыз. *gunč* 'сноп'. Менее вероятным представляется происхождение слова из среднеперсидского.

13. Арм. *təkrat* 'ножницы' ~ лезг. *tuḡrat*, крыз., будух. *təkrat*, хинал. *tuḡrad* 'ножницы'. Слово в конечном счете идет из семитского источника (конечный согласный указывает на посредство армянского).

14. Арм. *čindak* 'чулок, носок' ~ удин. *čindäk* 'чулок', цахур. *čindak* 'носок (шерстяной)'. В армянской лексеме налицо словообразовательный аффикс *-ak*.

15. Арм. *zol* 'полоска' ~ крыз. *zil*, будух. (алик.) *zul* 'полоска кожи'. Армянское слово имеет индоевропейскую этимологию.

16. Арм. *ḡakal* 'орех (грецкий)' ~ лезг. *ḡakal*, *kkal*, табас. *kekel*, *kikel* 'камешек', цахур. *ḡakal* 'камешек (гравия)', крыз. *ḡäkäl* 'орех, камешек'.

17. Арм. *cel* 'род, племя' ~ удин. *cel* 'потомство, семя', лезг. *cil* 'семя' (лезгинская лексема может быть, однако, связана с табас. *dil*, агульск. *dil* 'косточка'). Нет оснований принять мнение А. Г. Капанцяна о дагестанском происхождении удинского слова ⁶.

18. Арм. *ḡalamb* 'капуста' ~ удин. *ḡalamb* 'капуста', лезг. *ḡalamp*, *ḡilamp* 'редька'. Конечный губной элемент дагестанских лексем не позволяет считать их иранизмами.

19. Арм. *šor* 'творог' ~ удин. *šor* 'присоленный творог', цахур. *šor* 'творог'. Другие дагестанские формы с вокализмом *u* (например, лезг. *šur*) могут иметь иные непосредственные источники.

20. Арм. *kerkit* 'твердый' ~ лезг. *kerkeť* 'полено, деревяшка', цахур. *kerkeť* 'щиколотка'.

21. Арм. *čar* 'слово, речь' ~ лезг., агульск., табас. *čal* 'слово, речь', крыз. *čäl*, будух. *čel* 'слово, речь'. Термин проник в лезгинские языки, вероятно, в агванскую эпоху.

22. Арм. *ḡal* 'хромой' ~ удин. *ḡala* 'хромой, калека', цахур. *ḡāna* 'хромой'. Армянское слово имеет и.-е. этимологию ⁷.

23. Арм. *dew* 'злой дух, див' ~ удин., агульск. *dew* 'злой дух', лезг., лакск. *dew* 'див'. Возможно среднеперсидское происхождение лексем.

Необходимо отметить, что приведенный краткий перечень включает по существу лишь факты, лежащие на поверхности. Здесь не учтены довольно многочисленные, но по той или иной причине менее убедительные примеры дагестанских арменизмов (ср., например, арм. *ḡoť* 'мера сыпучих тел' при разрозненных лезг. *ḡoťo*, *ḡeťe* 'горшок', гинухск. *ḡoťo* 'чашка' и хварш. *ḡoťe* 'тарелка'). Дальнейшее исследование армяно-дагестанских языковых взаимоотношений существенно пополнит этот перечень.

⁶ См.: Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы, II. Ереван, 1975, с. 240.

⁷ Ср. Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, XXXII, 1893, S. 50.